

10.07.96

Радзинский Эдвард

...Наш только начавшийся разговор перебивает длинный зуммер — звонок из Америки. Радзинский долго и на пристойном английском говорит со своим литагентом. Недавно в США у него вышла книга "Stalin", и литагент торопила с интервью, вопросы которого русскому автору были высланы по факсу.

— Один молодой актер недавно признался мне: я пережил главную трагедию моей жизни — понял, что я не гений. У вас подобные трагедии были?

— Ну, есть крайне простая история. Один композитор до двадцати

через день. А затем появились "104 страницы..."

О любви и о нелегкой женской доле Радзинский пишет всю жизнь. Его пьесы так и называются: "Она в отсутствии любви и смерти", "А существует ли любовь?" — спрашивают пожарные, "Приятная женщина с цветком и окнами на север".

ТАИНСТВЕННЫЕ РАДЗИНСКОГО

игры

знание: "Многие женщины были рядом с Эдвардом лишь потому, что они были с Эдвардом-писателем". Умницы и красавицы были вашими подругами потому, что вы — писатель или?..

Эдвард

лет говорил только "Я", после тридцати — "Я и Моцарт", после сорока — "Моцарт и я". Потом до конца жизни он говорил только: "Моцарт". Только Моцарт! Это не значит, что у вас не должно быть сознания исключительности того, чем вы занимаетесь. Иначе вам не надо этим заниматься.

Естественно, я строил свой театр, естественно, я получил удар, потому должен быть свой режиссер. А что касается оценки — только Моцарт. Она еще подразумевает, что все решается дальше. В России — чаще всего после смерти. Отсюда вытекает известная формула: писателю должно повезти не с женой, а со вдовой. Лучшие сочинения остаются в столе. Я написал очень много вещей "для себя". А всякая публикация — возврат в старое.

— Писатель Радзинский может назвать себя мировой знаменитостью?

— Это смешно! Смешно себя оценивать, если с известностью там все нормально. У меня шли пьесы в Америке, множество — по Европе. К примеру, "Старая актриса на роль жены Достоевского" ставилась в парижском "Одеоне", в национальных театрах Бельгии, Финляндии, Японии и так далее. Был период, когда там у меня было больше театров, чем здесь. Но и в России не забывали. Однажды в Москве шло одновременно семь моих пьес — больше, чем тогда у кого-либо. Я не испытывал комплекса, когда все время нужно сообщать: я — гений, я — самый ставящийся. Я и так был ставящийся. Этот комплекс появляется у людей, когда их не ставят и не печатают... А потом я написал книгу "Последний царь", которая стала международным бестселлером. Так что с удовлетворением тшеславия у меня все в порядке, оно удовлетворено. У меня не в порядке с моим личным счетом к самому себе, который есть у каждого писателя. Он был даже у Александра Сергеевича Пушкина — "И с отвращением читая жизнь свою, я трепещу и проклиная..." Хотя... сообщать на каждом шагу, что вы гений — это иногда защита подлинных гениев.

— Какая пьеса сделала вас популярным?

— "104 страницы про любовь" были поставлены в 120 театрах, по ним был фильм, балет, а мне тогда исполнилось лишь 25 лет. Начало шестидесятых.

— Значит, вы, как Виктория Токарева, успели вскочить в "последний вагон" хрущевской оттепели, ведь следом за вами — "потерянное поколение". Или внешние обстоятельства не важны?

— Не думаю, что мне нужно было вскакивать в какой-то вагон, я абсолютно верю в судьбу, все случается, как должно случиться. Это было нормальное везение. Я написал к тому времени уже три пьесы, и они были поставлены. Одна — в ТЮЗе, когда я еще был студентом, другая — в Театре имени Ленинского комсомола, называлась она "Вам 22, старики!" Очень хорошо шла, почти

Однажды под видом корреспондентки женского журнала к нему, сердцеведу и сердцедеду, проникла девушка, запутавшаяся в своей личной жизни. И долго выспрашивала ошарашенного Радзинского, какого из двух кавалеров ей предпочесть!

— Нет ли у вас ощущения, что все это уже вос-по-ми-на-ни-я, а в вашем творчестве начался упадок?

— У меня постоянно это ощущение. Всю мою жизнь. Начиная с первой пьесы и кончая самой свежей книжкой.

— Шутить изволили? А между тем рецензии на вашу последнюю пьесу — "Поле битвы после победы принадлежит мародерам" — были плохие...

— Рецензии были самые разные. А плохие они были в том смысле, что очень плохо написаны. Я, например, бы мог уничтожить эту пьесу замечательной статьей, уверю вас. Критики не понимали, как ее надо уничтожить! Была просто радость от возможности расправиться со спектаклем, который в центре внимания. И правильно! Молодые люди должны так начинать. Но жаль, они не были услышаны. Значение прессы крайне мало. Это в какой-нибудь Дании, если бы обо мне появились две ужасные статьи в ведущих газетах, я был бы уничтожен, пьесу сняли бы через день. В России могут писать все что угодно... Кстати, это одна из немногих современных пьес, которая собирает полный зал, а билеты стоят 50 тысяч рублей.

— Может быть, потому что на сцене — Гурченко и Ширвиндт?

— Именно поэтому!.. Жаль, что никто из критиков не понял, что это такое. Они отчего-то решили, что это пьеса, которую надо обсуждать по законам пьесы. Это не пьеса, а портрет зала. А рецензии на зал не влияют.

— А на вас? Не говорите только, что вы их не читаете!

— У меня когда-то обсуждали спектакль "Спортивные сцены 1981 года", который был самым главным театральным шлягером. Рецензии были 50 на 50. И вот в зале ВТО собралось потрясающее количество критиков. Я вышел перед началом и сказал: "Ваше мнение меня абсолютно не интересует. Я желаю вам удачного обсуждения меня!" И ушел.

— А зачем тогда вообще приходили?!

— Был резон, но о нем долго рассказывать.

— Тогда вернемся к "Полю битвы..."

— Я написал это в 91-м году, главную женскую роль должна была играть Дорониная. В пьесе были забавные для того времени вещи: от России остается одна Москва и президентом этой Московии становится бывший кагэбэшник, ныне граф. И там все время били точечными ракетами, хотя не было ни войны в Чечне, ничего. Кончалось все замечательной фразой. Выходила героиня — председательница партии "Одинокие женщины Московии", и говорила "речь", всего несколько слов: "Я вам так скажу, ребята, как

бы это сформулировать лапидарнее? Мудаки мы все!" И кончался спектакль. И почему-то после этой фразы в зале творится невиданное... Самое главное, что это не пьеса. Это определенное зрелище, написанное с определенной целью. Это не возвращение в театр. Это мои игры. Мои таинственные игры с самим собой.

— Так вы игрок? Правда, что вы отказались дать интервью "Плейбою"?

ского театра. Великолепная актриса в дивной форме, которая играла замечательно! Мне не все ее работы нравятся одинаково, я ее слишком хорошо знаю, но в этом проявлении она была невероятна. И вообще она необычайно интересна. Вся ее биография... Как она себя ведет... Она забавна!

— А как же легенды о ее невыносимом характере?

— Когда сообщают, какой характер у актера, мне всегда так смешно

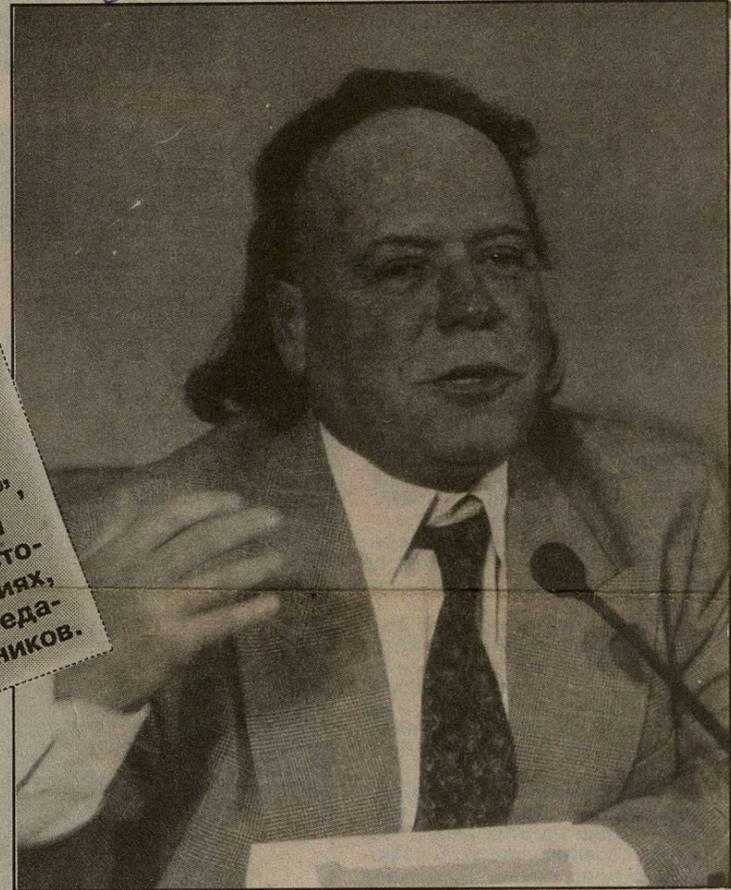
не допускается. Есть тайны женщин, тайны друзей, и они открываются, когда я пишу книжку, пьесу. Очень часто написанное отражает все, что с вами случается. Там ловите! Поэтому ни на один из личных вопросов я не отвечаю. Все, что я могу сказать о частной жизни, — есть жена.

— Ваш коллега и тезка — во всяком случае, на Западе он называет себя Эдвардом — господин Лимонов в одной из своих книг бросил горькое при-

Курганец. — 1996 — 10 июля — с. 8

— И "Космополитену" тоже. В наших красивых изданиях пытаются осветить всех в одном жанре, в то время как на Западе в них есть благодарство, там могут печататься серьезные интервью. Например, с Валенсиой. И в этом жанре у них нет клише: "Скажите, Валенса, а сколько женщин вы любите?" Это ужасно! Не в этом он был Валенса! Каждый человек — это другой жанр. Как пьесы имеют разные жанры, одна — комедия, другая — драма, и очень смешно их одинаково трактовать, так и здесь все должно быть крайне специфично. Я — антишоумен! Не шоумен вовсе. Очень смешно, если говорить о моей работе на

Он редко принимает журналистов. Почти не принимает. Все, что необходимо сказать "городу и миру", Эдвард Радзинский говорит в своих исторических сочинениях, пьесах и телепередачах. Без посредников.

ТВ, называть меня ведущим, потому что я никакой не ведущий! Я буду беспомощен, если стану что-то вести, я потеряю все. Я — писатель, который пришел на телевидение и рассказывает про то, что его сегодня интересует. Вопросы ко мне, как к шоумену, как к изумительному артисту Ширвиндту или, скажем, к Арканову, неприемлемы.

— В жанре, в котором вы работаете на ТВ, в этом "театре одного актера", работает еще Виталий Вульф. Что вы скажете по поводу его передачи о вашей бывшей жене, Татьяне Васильевне Дорониной?

— Я сделал другую передачу. Это нехорошо — оценивать работу коллеги, но Татьяна Васильевна заслуживает совершенно другой передачи.

— Надеюсь, не "Загадок истории"?!?

— Татьяна Васильевна — абсолютно загадочный персонаж! Она уникальная актриса и продолжала ею быть. Ее последняя работа, которую мало кто видел из пишущих людей, — пьеса Ануя "Коломба", она назвала ее "Мадам Александра" — блистательна. Думаю, одна из лучших ее актерских работ.

Я смотрел ее вместе с Рощиным и Розовым, мы сидели вместе и, по моему, все поразились одинаково тому, что видели. Это было пиришество! И если вы говорите о зависти, я абсолютно завидую Ануя, потому что всякий раз, когда подавалась реплика, я говорил: Боже мой, как жаль, что я бросил писать пьесы! Прелесть замечательной работы в том, что после нее хочется работать. Это было торжество товстоногов-

но... Как можно определять характер Мэрилин Монро или Аллы Пугачевой? Люди должны быть благодарны за радость, которую им дарят. Характер актера — это часто защита нервных людей от быта и жизни... А передача Вульфа мне резко не понравилась. Он талантливый человек. Но эта — нет.

— Дорониная сама пригласила вас на премьеру или вы следите за ее творчеством и ходите в "женский" МХАТ?

— Это был ее юбилейный вечер, и поэтому я там присутствовал. Но я слежу за ее работами.

— А за работами других?

— Я очень мало живущий вне дома человек. И многое остается в области тоски и желаний. Мне очень сложно оставить работу, она целиком забирает все мое время. Вы слышали мой разговор с Нью-Йорком, надо послать ответы на вопросы интервью, а для меня это мучительно. Это необходимо мне, но я не могу отвечать на эти вопросы!

— Вы упомянули: у писателя должна быть хорошая вдова, но на роль вашей вдовы (тьфу-тьфу-тьфу!) могут претендовать несколько женщин...

— Вдова бывает всего одна... И вообще часть жизни, которая за навесом, для меня невероятно существенна, но туда никто никогда

Немножко подождем. Я напечатал и, может быть, скоро большой-большой роман, тогда многое будет ясно, вернее, о многом можно будет догадываться. Кое-что я уже сообщил в "Нашем Декамероне", но, повторяю, занавес опущен очень плотно.

— А нет ли в этом романе персонажа по имени Эдвард Радзинский?

— В пьесах все персонажи носят разные имена, но это все я, всегда я, иначе писать нельзя. Лимонов делает проще: пишет "я", а потом докazuje, что это не он, а литературный герой. Он прав. Когда политический деятель пишет мемуары, ему только кажется, что это он, на самом деле это тот, кем он хотел бы быть.

Путешествие в себя необычайно заманчиво, оно очень радостное. Трактуйтесь как тебе хочется, хотя делайте вид, что ты себя судишь, и главное — ты живешь там. Жить в прошлом всегда интереснее, чем сейчас. Потому что ты организуешь эту жизнь, пространство и чувства людей, как тебе удобно. Немного подождите. Я эту книгу иногда дописываю. Как картина, с которой художнику жалько расставаться, так и эта моя вещь. То, что напечатано, — это уже не ваше. Захватано руками. Но я решусь и это сделаю...

Влад ВАСЮХИН.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР АНАТОЛИЙ ПАНКОВ

Редактор номера
Татьяна КУЛИКОВА
Заказ 3172

Подписано в печать в 20.00

Материалы,
помеченные знаком
публикуются на
правах рекламы.

Наш адрес: 103009, Москва, Вознесенский пер., 12 (бывш. ул. Станкевича).
Факс 925-54-03. E-mail: EPO@KURANTY.MSK.RU.
Телефоны: для справок — 203-06-10 (с 9.00 до 16.30), 292-55-15 (с 16.30),
отдел рекламы — 229-03-13, коммерческий — 292-32-13, распространения — 292-32-13,
иллюстраций — 229-95-43, новостей — 229-90-79.
Газета зарегистрирована в Комитете РФ по печати 19 июля 1995 г.
Свидетельство о регистрации № 822. Индекс 55055. Общий тираж — 107 тыс. экз.

УЧРЕДИТЕЛЬ — ООО "РИЦ ГАЗЕТЫ "КУРАНТЫ"

Газета набрана и сверстана в редакционно-издательском центре "Куранты", отпечатана в ИПК "Московская правда", — 10 884. 123845. ГСП, Москва, Д-22, ул. 1905 года, д. 7. Эксклюзивный распространитель в США — фирма EAST VIEW PUBLICATIONS.